

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39 (=512.31)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-360-370

Семантика образа лебедя в космогонических представлениях бурят

Надежда Базаржаповна Дашиева¹

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-3652-2535. E-mail: dashieva-n@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дашиева Н. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Лебедь в мифологическом мировоззрении бурят и целого ряда тюрко-монгольских народов выступает в качестве тотема со стороны женского начала этнического сообщества. Статья посвящена выявлению образа лебедя в космогонических представлениях бурят. Актуальность работы определяется семантическим подходом к исследованию функций девы-лебедя в мифологическом мировоззрении бурят, ряда тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии и исторических культур региона. *Целью* исследования является вычленение космогонических и космологических представлений в сюжете генеалогического мифа бурят племени Хори и обусловленных им сезонных праздниках. *Материалы и методы* исследования. Основными источниками для исследования послужили работы М. Н. Хангалова, Г. Н. Румянцева, А. П. Окладникова, Д. С Раевского. Основными *методами*, использованными в работе, являются культурно-семантический, сравнительно-сопоставительный и историко-сравнительный анализ структурных единиц мифа, позволяющих выявить его связь со скифской космологией и индоиранской мифологией. Хронологические рамки исследования охватывают период конца XIX – начала XX в. *Результаты.* В мифе через смену антропо- и орнитоморфного облика девы-лебедя моделируются пространственно-временные параметры мира. Три стадии в развитии времени соотносятся с тремя стадиями жизни девы-лебедя и свидетельствуют об отсутствии в мифологическом мировоззрении общества понятия «смерть времени». Точка «исчезновения» времени из мира одновременно выступала как начало его нового развития, которое обеспечивал обряд кропления молоком, совершаемый женщинами при сезонных прилетах и проводах птиц. Историко-культурные истоки мифологемы «брак», соответствующей осенним обрядам, и мифологемы «рождение» — весенним обрядам, присутствующие на петроглифах байкальских бухт Саган-Заба, Ая и р. Чулуут в Монголии эпохи бронзы, свидетельствуют о процессе переосмысления сюжета скифского космогонического мифа в сюжет генеалогического мифа. *Выводы.* Образ лебедя в мифологическом мировоззрении бурят и широкого круга тюрко-монгольских народов является персонификацией космологического классификатора.

Ключевые слова: буряты, племя Хори, генеалогический миф, космогония, лебедь, пространство, время, сезонные обряды, скифский миф

Для цитирования: Дашиева Н. Б. Семантика образа лебедя в космогонических представлениях бурят // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 360–370. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-360-370

The Image of Swan in Buryat Cosmogonic Ideas: Semantics Analyzed

Nadezhda B. Dashieva¹

¹ East-Siberian State Institute of Culture (1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-3652-2535. E-mail: dashieva-n@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dashieva N. B., 2022

Abstract. Introduction. In mythological worldviews of Buryats and quite a number of other Turko-Mongols, swan acts as a totem on the female part of the ethnic community. The article examines the image of swan in Buryat cosmogonic folkways. The semantic approach to the study of functions attributed to Swan Maiden in mythological worldviews of Buryats and some other Turko-Mongols of Siberia and Central Asia, and historical cultures of the region makes the work topical enough. *Goals.* The study aims to delineate cosmogonic and cosmological ideas in the plot of the genealogical myth of Khori Buryats, and seasonal holidays resulting from by the former. *Materials and methods.* The paper primarily explores writings by M. Khangalov, G. Rumyantsev, A. Okladnikov, and D. Raevsky. The main research methods used are the cultural/semantic, comparative, and historical/comparative ones (the latter instrumental in analyzing structural units of the myth that make it possible to reveal its links with Scythian cosmology and Indo-Iranian mythology). The chronological framework of the study covers the late 19th to early 29th century. *Results.* In the myth, changes in anthropomorphic and ornithomorphic appearances of swan maiden serve to model spatial and temporal parameters of the world. Three stages in the development of time correlate with the three stages of Swan Maiden's life and attest to that mythological worldviews of the community contained no 'death of time' concept. The point of 'disappearance' of time simultaneously acted as a new beginning to be secured through the milk sprinkling ritual performed by women during seasonal arrivals and reverse migrations of birds. The historical and cultural essentials of the mythologemes 'marriage' (autumn rites) and 'birth' (spring ones) manifested in Bronze Age petroglyphs of the Baikal bays (Sagan-Zaba, Aya) and the Chuluut River in Mongolia illustrate a process of transforming the Scythian cosmogonic plot into that of a genealogical myth. *Conclusions.* The image of swan in mythological worldviews of Buryats and a wide range of Turko-Mongols serves a personification of the cosmological classifier.

Keywords: Buryats, Khori, genealogical myth, cosmogony, swan, space, time, seasonal rites, Scythian myth

For citation: Dashieva N. B. The Image of Swan in Buryat Cosmogonic Ideas: Semantics Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 360–370. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-360-370

Введение

В конце XIX – начале XX в. в традиционной культуре ряда народов Сибири почитание лебеда существовало в разных видах. У бурят, якутов, алтайцев-кумандинцев, челканцев и тувинцев наиболее распространенным было отношение к нему как тотемному предку со стороны женского происхождения рода. Исключение составляли якутские женщины Байдунского наслега, которые называли его старшим родственником со стороны мужа.

У юго-западных тувинцев «семь лебедей считались одним из главных помощников самых сильных шаманов, по его заданию они проникали из мира света в мир тьмы и приносили нужные ему сведения из мира мертвых. Кеты почитали лебеда как вестника весны и тепла. Селькупы называли их „братьями“, покровителями семьи, а также главными помощниками шаманов в „путешествии в верхний мир“» [Потапов 1959: 18–22].

Целью настоящей статьи является обоснование космогонических функций образа лебеда в сюжете генеалогического мифа и сезонных обычаях бурят племени Хори.

Результаты исследования могут представлять интерес для истории культуры бурят и тюрко-монгольских этнических общностей, у которых бытуют близкие по содержанию сюжеты.

Материалы и методы

В мифе бурят племени Хори, существующего в нескольких вариантах, молодой охотник Хоридой видит, как прилетевшие на озеро с севера лебеди, сбросив свои оперения, превращаются в девушек и в этом образе купаются в его водах.

Юноша, спрятав лебяжьи оперения одной из небесных красавиц, женится на ней, в браке у них родились сыновья, ставшие отцами-основателями хоринских родов. Жена в старости, надев свои девичьи одежды, через светодымовое отверстие в крыше юрты улетает вслед за стаей лебедей. В это время лучи солнца через дымник падали на огонь очага, на котором старик Хоридой в железном котле перегонял молочную водку. Перед тем как присоединиться к лебединой стае, мать дает наказ своей семье: «Вы земные жители, оставайтесь на земле, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину. Весной и осенью, когда лебеди летят к северу и обратно, делайте обряд в честь мою!». Хоринские буряты считают: предок их — лебедь, береза — коновязь и, соблюдая старинные обычаи весной и осенью, встречая и провожая лебедей, брызгают молоком и молочной водкой [Хангалов 2004: 77–78; Румянцев 1962: 147–151; Ломбоцыренов 1995: 103–104; и др.].

С племенным мифом сходен сюжет о происхождении старших хоринских родов Галзут [Балдаев 1970: 290, 291, 293, 294, 295], Шарат (Шарайт) и Хангин [Хангалов 1958: 405–406], бурятского племени Хонготор, рода Шошолок, ойрат-монголов [Михайлов 1983: 100–101], олотов, баятов [Эрдэнэболд 2012: 9, 73] и некоторых родов баргутов [Галзут 2008: 112].

В башкирской легенде говорится: «Однажды на охоте единственный сын Юрми-хана хотел подстрелить лебеда, но та обернулась прекрасной девушкой. Юноша женился на ней, и их потомки образовали племя Юрматы» [Исянгулов 2013: 26].

В этнографической литературе, посвященной анализу культа лебедя у бурят и тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии, выделяется этиологический подход, стремящийся рационалистически объяснить тотемистические представления в их связи с этногенезом социальной общности. Наибольшее количество исследований, базирующихся на фольклорно-мифологических материалах о лебедь как тотеме материнского рода, относится к бурятам племени Хори [Румянцев 1962; Цыдендамбаев 2001; Зориктуев 2011; Зориктуев 2018; Зориктуев 2020; Дашиева 2020; и др.].

По мнению Ш. Н. Исянгулова, воззрения о лебедь как тотемном предке материнского рода у башкир, якутов и тюркских народов Саяно-Алтая, а также исторических объединений теле восходят к зафиксированным в китайских источниках древнетюркским генеалогическим легендам и свидетельствуют о древнетюркских этнических истоках их носителей со стороны материнской линии родства [Исянгулов 2013: 26].

В. Я. Петрухин историко-культурные истоки сюжета мифа тюрко-монгольских народов видит «в отмеченном скифологом Д. С. Раевским украшении панциря из Семибратнего скифского кургана: на нем олениха с золотыми рогами кормит олененка; под ними златокрылая птица, летящая вниз. Перед нами — миф о скифском небесном олене, птица же воплощает связь мира небесного и земного» [Петрухин 2003: 359].

В нашей статье «Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд», выполненной с применением метода структурно-функционального анализа текста, мы пришли к выводу, что это сюжет ареального мифа, отражающего культ солнца, модель солнечного календаря и обусловленных им сезонных обрядов [Дашиева 2021].

Связь образа лебедь с календарем и сменой сезонов года открывают перспективу дальнейшей реконструкции семантики его сакрального образа в связи с представлениями о космогонии и космологии, тесно связанных с внутренними характеристиками социума. Выполнение данной установки возможно при использовании комплексного подхода с привлечением материалов этнографии, фольклористики, лингвистики, истории, археологии, мифологии и искусствоведения.

Космогонические функции образа лебедь в мифе хоринских бурят

В мифе хоринских бурят представлена трехчастная по вертикали универсальная индоевропейская модель мира. В соответствии с этой моделью встреча девы-лебедь с отцом-основателем племени происходит на пограничье иного для человека, «нижнего», мира, кодируемого озером. В мифе «свой» для человека мир ограничен стенами его жилища, а в качестве сакрального центра освоенного пространства выступает огонь очага. Семантическое пограничье между средним и верхним, также «иным» для человека миром отмечает дымоход куполообразной крыши юрты, а знаком верхнего мира выступает солнце, лучи которого падали на огонь очага в момент, когда лебедь покидает земной мир.

Космогонический акт творения упорядоченного в категориях пространства и времени мира в мифе представлен посредством процесса передвижения девы-лебедь, сопровождающегося изменением ее образа. Из верхнего мира на землю она спускается в облике птицы и здесь оборачивается девушкой.

В антропоморфном образе лебедь входит в сакральное пространство человека через дверь его жилища, где проживает свою земную жизнь, длительностью от состояния «молодость» до состояния «старость». Затем, приняв изначальный птичий образ, возвращается в «свой» — небесный — мир.

В горизонтальной структуре этой модели мира семантический «низ» маркирован географическим направлением «север/северо-восток» как стороной, откуда осенью на стыке сезона тепла и холода летят на юг в теплые края перелетные птицы. В категории времени данное направление совпадает с представлением о прошедшем времени, а юг, куда улетают на зиму птицы, образует семантический ряд: будущее время – верхний мир – светлые небесные божества. Между двумя природными явлениями располагается временной период, соответствующий представлению о земной жизни как настоящем времени.

По мифу два противопоставленных полюса времени — сезон тепла и сезон холодов — ограничены спуском с неба на землю солнечных птиц в начале весны и их подъемом на небо в начале осени.

Наказ матери, данный своим потомкам, совершать весенние и осенние ритуалы посредством кропления молоком при сезонных встречах и проводах лебедей является способом преодоления расхождения в космогоническом акте верха и низа, тепла и холода, света и тьмы, жизни и смерти. Осенние ритуалы проводятся в порубежной кризисной ситуации, когда космос приходит в состояние хаоса, а люди посредством ритуала способствуют началу последовательного творения нового мира. Весенние ритуалы соотносены с представлением о завершении процесса творения, длящегося в течение сезона холодов, и рождении упорядоченного в категориях пространства и времени космоса.

Семантический анализ сюжета хоринского мифа представляет его как космогонический миф, обосновывающий космологические представления, персонифицированные в образах матери-прародительницы — солнечной птицы и отца-основателя племени, тесно связанных с календарем солнечного года.

В традиционной культуре хори-бурят мифологическая память об обусловленности образа матери-прародительницы с календарем круглого года находит отражение в семантике складок, собираемых по верхнему краю, низко опущенного подола женского халата. Одни информанты соотносят их количество с 360-дневным годом, а в високосный год могли добавить еще 30 складок [Дрыганова 2005: 160–161].

Другие называли символическую цифру 6 480, получаемую путем умножения числа 108, равного количеству бусинок буддийских четок, на цифру 60 — количество лет одного Рабжуна по лунному календарю с 12-летним циклом [Базарова 1999: 64].

Птичий образ матери-прародительницы представлен в особенностях кроя вшивных рукавов халата, проймы которого очень глубоко заходят на спину. Верхняя часть рукавов, соответствующая предплечью человека, плотно собираясь в мелкие складки, образует твердо приподнятые объемные буфы, напоминающие своим очертанием основания птичьих крыльев. Снизу к буфам чуть выше локтя из ткани другого цвета пришивается длинная узкая часть с расширенными к низу обшлагами, называемыми «копыто» (*туруу*). Они выполнялись из ткани темного цвета [Дрыганова 2005: 156].

На халат надевалась безрукавка *уужи*, заканчивающаяся внизу спины раздвоением в виде птичьего хвоста. Указанием на связь женской безрукавки с образом лебедя является производное от тюркского *куба* ее название *хубайхи*, принятое в диалекте прибайкальских бурят. При взгляде со спины женский костюм хори-бурят ассоциировался с образом птицы, сидящей со сложенными крыльями, а в соединении с длинными узкими рукавами со спущенными копытообразными обшлагами, напоминавшими передние ноги оленя, создавался синкретичный образ оленя-лебедя.

Образ оленя-лебедя, представленный в крое рукавов женского халата, выступает в качестве знака брачного союза двух этнических сообществ в истории происхождения племени Хори. В свете названия лебедя у бурят *хун-(шубуун)*, происходящего от тюркской лексемы *кун* со значением «солнце» и имени жены Хоридоя как Хобоши-Хатун, которое восходит к тюркскому *куба* («лебедь») [Румянцев 1962: 151–152], одно из них имело связь с древнетюркскими племенами с культом лебедя — солнечной птицы со стороны женского истока происхождения, а другое — с культом оленя.

Семантика образа оленя выявляется в деталях шапки хоринцев, которая не имела отличий у мужчин и женщин. Ее нижняя часть представляла собой, отогнутые под острым углом по отношению к тулье поля, середина — конусообразная тулья, простроченная одиннадцатью горизонтальными полосами, символизирующими количество патрилокальных родов в составе племени, верх — острие тульи, отмеченное красным кружочком *таб*, из-под которого отходят шелковые нити, или тонкие полоски красной ткани в виде кисти. Три части в конструкции шапки отражают трехчастную по вертикали модель мира.

Завершающий острие тульи кружочек *таб* хори-буряты объясняют как знак солнца. В таком значении *таб* лексически и семантически соотносится с образом богини скифской мифологии Табити, олицетворявшей собой «не только женское божество домашнего очага, но и огня во всех его проявлениях» [Раевский 1992: 445].

Образ скифской богини восходит к представлению о космическом жаре *tapas*, выступающем как универсальный космогонический принцип, лежащий в основе мироздания в древнеиндийской мифологии [Топоров 1992: 494].

В эпосе «Махабхарата» дочь Солнца по имени Тапати выходит замуж за царя солнцепоклонников и спускается с небес. От этого брака рождается ближайший предок главных персонажей Куру. Первый раз Тапати показывается царственному жениху стоящей на вершине горы. Ж. Дюмезиль сюжет данного мифа и Тапати, представленной в облике светоносного оленя с золотой шерстью и восемнадцатиконцевыми рогами, видит в эпических сказаниях потомков скифов — осетин [Дюмезиль 1990: 105, 106–107].

В шаманских текстах хоринских родов, проживающих в устье Селенги, мать-прародительница со стороны отца-основателя племени называется *Шом-шор Большая госпожа* с «прозвищем» *Унэтэ Госпожа-мать* [Жамцарано 2001: 161]. В названии богини подчеркиваются ее длинные вытянутые губы, а в прозвище — развесистые рога. Оба определения являются описанием стилизованных фигур оленей, выполненных по канонам скифо-сибирского искусства «звериного стиля», сопровождающих плиточные могилы Забайкалья [Дашиева 2020: 944].

В свете семантической и фонетической соотнесенности детали *таб* на острие шапок хори-бурят с именем и функциями скифской богини огня (= Солнца) отметим, что деревянные фигурки оленя нашивались на высокий конусовидный головной убор (парик) женщин в пазырыкских погребениях на Алтае (VI–II в. до н. э.). Ниже их одна над другой прикреплялись фигурки лебедей [Полосьмак 1999: 38–39].

На индоиранские историко-культурные истоки сюжета хоринского мифа указывает и занятие старика Хоридоя в момент, когда лебедь улетает в «свой» небесный мир. Оно является указанием на подготовку к сезонному обрядовому действу *хурай*, производимому путем кропления молочных напитков светлым небесным божеством. Содержание и название обряда восходит к глаголу *kurun* со значением «просить» в санскрите [Абаев 1958: 558].

Буряты, завершая обрядовые кропления, произносят: «Неподъемную благодарь, по правилам традиции выпросив, получил!» (*Дааша угы даланга ёһоорын хурыылжа абаб!*). Функции ведущего в таких обрядах выполняли служители культа светлых божеств — белые шаманы и родовые старейшины.

У бурят и тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии обряд *хурай* входит в структуру сезонных родовых праздников, названия которых образованы от термина «тай», восходящего к общеалтайскому языковому субстрату с исходным значением «мать» и представлением о божестве с функциями предка материнского рода, символа происхождения, плодородия, наследственности [Дыренкова 1937: 20; Балдаев 1959: 9; Древнетюркский словарь 1969: 527; Севортян 1974: 128; и др.].

Герой хоринского мифа встречается с девой-лебедью осенью на берегу озера. В календарном осмыслении жизни мира и соотнесенного с ним жизни человека в мифе в качестве начала процесса космогонии выступает день осеннего равноденствия, обозначенный мифологемой «брак». В конце XIX – начале XX в. у бурят-шаманистов начало Нового года отмечали осенние родовые праздники, проводившиеся у водоемов в честь божеств *Уһан-хат* («Царей вод»). Это был единственный родовой праздник, на который допускались женщины и девушки [Хангалов 1958: 525]. Примечательно, что девушки приезжали на праздник в мужских одеждах [Хангалов 1958: 367], и в данном обычае проявляется присутствующий для новогоднего праздника элемент карнавала, обусловленный универсальной идеей о разрушении в конце года мировой гармонии, приводящей мир к состоянию «перевернутости».

В процессе последовательного выполнения ритуально-обрядовых действий, входящих в структуру праздника, происходит преодоление хаоса и установление нового мира, организованного в категориях пространства и времени, а в социуме восстанавливаются все прерванные родовые связи, начиная с мифических предков и заканчивая живущими в настоящем их потомками [Дашиева 2012: 69; 114; и др.].

Иллюстрацию к древнему празднику этнических предков тюрко-монгольских народов, драматургической основой которого являлся общий мифологический сюжет о космогонии, представляют связанные преемственностью традиции, наскальные рисунки байкальских бухт Саган-Заба и Ая.

А. П. Окладников, выделив среди петроглифов байкальской бухты Саган-Заба, наряду с изображениями лебедей, образ оленя, выполненного по канонам

скифо-сибирского искусства «звериного стиля», датирует их серединой I тыс. до н. э. [Окладников 1974: 77]. По мнению ученого, с сюжетом мифа о происхождении хори-бурят перекликается рисунок, представляющий собой фигуру птицы с длинной шеей и массивным туловищем, стоящей на одной ноге. К птице протянута рука антропоморфного существа с большим раздутым животом, изображенной в позе, напоминающей «позу рожавшей женщины, принятую у некоторых народов Сибири. Туловище заканчивается внизу треугольным выступом, возможно, показывающим, что младенец появляется на свет из чрева матери» [Окладников 1974: 29–30].

На другом рисунке, охарактеризованном исследователем как «очевидно, изображение коитуса», находятся «две антиподально расположенные антропоморфные фигуры. Обе они имеют треугольные туловища. У верхней фигуры голова круглая. У нижней на голове рожки в виде развилки» [Окладников 1974: 26]. Сравнивая эту фигуру с крупной антропоморфной фигурой с рожками-развилками на голове, держащей в опущенных вдоль тела руках поперечный стержень, напоминающий боевой топор [Окладников 1974: 26], с образом Хоридоя, исследователь делает предположение, что в первичной основе мифа «Хоридой был, очевидно, сначала наделен чертами культурного героя и первого шамана» [Окладников 1974: 91].

С петроглифами байкальских бухт перекликаются наскальные рисунки Южной Сибири и Центральной Азии. Из них наиболее красноречивы композиции р. Чулуут в Монголии, где фигуры матерей-прародительниц, как и фигура роженицы на петроглифах Саган-Заба, изображены с преувеличенно большими животами, широко расставленными и полусогнутыми в коленях ногами, между ними показан будущий ребенок. Некоторые из женских фигур имеют большие оленьи рога — символ тотемного предка [Новгородова 1989: 91–95; и др.].

Заключение

Семантический анализ сюжета генеалогического мифа бурят племени Хори представляет его как космогонический миф, в сюжете которого образ девы-лебедя описывает пространственно-временные параметры Вселенной и космологические представления, тесно связанные с календарем и социальной организацией.

Трем зонам мифологического космоса в хоринском мифе соответствуют три состояния времени, воплощенные в смене антропо- и орнитоморфных образов лебедя. По мифу время, как и жизнь человека, в своем развитии проходит через стадии — *юность*, высшая степень развития *зрелость*, за которой следует *старость* и уход в иной — верхний мир, чтобы там вновь преобразоваться для новой земной жизни. В этом процессе активна Мать-прародительница — солнечная птица, она наделена медиативными функциями проникновения в разные миры.

Перемещение матери-лебедя в небесный, верхний, мир свидетельствует о том, что в мифологическом мировоззрении общества отсутствовало понятие «смерть времени». Точка исчезновения времени из мира одновременно выступала как точка начала его нового развития, которое обеспечивал обряд кропления молоком, совершаемый женщинами.

Семантически идея «творение жизни» совпадает с идеей «творение года», и таким образом происходит переосмысление космогонического мифа до его

развития в генеалогический миф. Множество вариантов данного сюжета у тюрко-монгольских народов в своей основе восходит к космогоническим представлениям ранних кочевников Центральной Азии с культурой скифоидного типа.

Литература

- Абаев 1958 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: 1958. Т. I: А–К. 655 с.
- Базарова 1999 — *Базарова Ц. Б.* Лексика национальной одежды у агинских бурят: дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 159 с.
- Балдаев 1959 — *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 180 с.
- Балдаев 1970 — *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1. 363 с.
- Галзут 2008 — *Галзут Тубшинима.* История происхождения баргутов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Дашиева 2012 — *Дашиева Н. Б.* Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии. М.; Улан-Удэ: Изд-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2012. 211 с.
- Дашиева 2020 — *Дашиева Н. Б.* Образ оленя-солнца и этноним бурятского племени Хори // *Oriental Studies*. 2020. № 13(4). С. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941–950
- Дашиева 2021 — *Дашиева Н. Б.* Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд // *Научный диалог*. 2021. № 3. С. 363–379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379
- Древнетюркский словарь 1969 — *Древнетюркский словарь* / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Дрыганова 2005 — *Дрыганова С. Г.* Семантика женской одежды хори-бурят // *Этнические процессы и традиционная культура* / отв. ред. З. П. Соколова. М.; Улан-Удэ: Изд-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2005. С. 149–164.
- Дыренкова 1937 — *Дыренкова Н. П.* Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // *Советская этнография*. 1937. № 4. С. 18–45.
- Дюмезиль 1990 — *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 227 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Зориктуев 2011 — *Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Зориктуев 2018 — *Зориктуев Б. Р.* О малоизвестных аспектах этнической истории хори // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 4(34). С. 127–132.
- Зориктуев 2020 — *Зориктуев Б. Р.* Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 393–423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423
- Исянгулов 2013 — *Исянгулов Ш. Н.* Древнетюркские корни юрматынцев (по генеалогическим легендам о лебеде) // *Проблемы востоковедения*. 2013. № 4 (62). С. 25–31.
- Ломбоцыренов 1995 — *Ломбоцыренов Д-Ж.* История селенгинских монгол-бурят // *Бурятские летописи* / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ: БИОН, 1995. С. 103–132.
- Михайлов 1983 — *Михайлов Г. И.* Мифы в исторических сочинениях XIII–XIV вв. монгольских народов // *Фольклор и историческая этнография*. М.: Наука, 1983. С. 88–106.
- Новгородова 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 383 с. с ил.

- Окладников 1974 — *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Полосьмак 1999 — *Полосьмак Н. В.* Алтайская леда: Удивительная находка российских археологов // *Родина*. 1999. № 4. С. 34–41.
- Потапов 1959 — *Потапов Л. П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебеда у хакасов) // *Советская этнография*. 1959. № 2. С. 18–30.
- Раевский 1992 — *Раевский Д. С.* Скифо-сарматская мифология // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 445–450.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* Тапас // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 494.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений в трех томах. Т. I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 549 с.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений в трех томах. Т. III. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 311 с.
- Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 255 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

References

- Abaev V. I. A Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Moscow, 1958. Vol. I: A–K. 655 p. (In Osset. and Russ.)
- Baldaev S. P. Buryat Wedding Rites. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 180 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Genealogical Tales and Legends of Buryats: The Bulagat and the Ekhirit. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. Part 1. 363 p. (In Russ.)
- Bazarova Ts. B. Aga Buryats: Traditional Clothing Vocabulary Reviewed. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 1999. 159 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. Genealogical myth of the Buryats of the Hori tribe: Calendar and ritual. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 3. Pp. 363–379. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379
- Dashieva N. B. Image of the Deer–Sun and ethnonym of the Khorī Buryats. *Oriental Studies*. 2020. No. 13(4). Pp. 941–950. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941–950
- Dashieva N. B. Traditional Public Festivities of Buryats: History and Typology. Moscow; Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2012. 211 p. (In Russ.)
- Dryganova S. G. Semantics of Khorī Buryat women’s clothes. In: Sokolova Z. P. (ed.) *Ethnic Processes and Traditional Culture*. Moscow; Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2005. Pp. 149–164. (In Russ.)
- Dumézil G. E. Scythians and Narts. Moscow: Nauka, 1990. 227 p. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Altaian Turks: Vestiges of the maternal clan system revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1937. No. 4. Pp. 18–45. (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols, Late 19th – Early 20th Century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 196 p. (In Russ.)

- Isyngulov Sh. N. Ancient Turkic roots of the Yurmaty tribe (according to swan legends). *The Problems of Oriental Studies*. 2013. No. 4 (62). Pp. 25–31. (In Russ.)
- Jamtsarano Ts. Travel Diaries, 1903–1907. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 382 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. I. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 549 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. III. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Lombotsyrenov D.-Zh. A History of the Selenga Buryat Mongols. In: Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova (Purbueva) Ts. P. (comps.) *Buryat Manuscripts*. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, 1995. Pp. 103–132. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. Myths in 13th-14th century historical writings of Mongols. In: *Folklore and Historical Ethnography*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 88–106. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) *Dictionary of Old Turkic*. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Old Turk and. Russ.)
- Novgorodova E. A. The Ancient Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. 383 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Petroglyphs of the Baikal — Monuments of Siberia's Ancient Culture. Novosibirsk: Nauka, 1974. 168 p. (In Russ.)
- Petrukhin V. Ya. Myths of Finno-Ugric Peoples. Moscow: AST — Tranzitkniga, 2003. 463 p. (In Russ.)
- Polosmak N. V. The Altai Lady: A miraculous find of Russian archaeologists. *Rodina*. 1999. No. 4. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Potapov L. P. Some early forms of family and religious ideas reviewed: A swan-offering ritual of the Khakas. *Sovetskaya etnografiya*. 1959. No. 2. Pp. 18–30. (In Russ.)
- Raevsky D. S. Scytho-Sarmatian mythology. In: *Myths of the World: An Encyclopedia*. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. Pp. 445–450. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. Origins of Khorı Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 265 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. The Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Russ., Turk., etc.)
- Toporov V. N. Tapas. In: *Myths of the World: An Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. P. 494. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogical Tables: A Study in History and Linguistics. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 255 p. (In Russ.)
- Tubshinima G. Origins and History of the Barga [Mongols]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. 188 p. (In Mong. and Russ.)
- Zoriktuev B. R. Ethnic History of Mongolians and Buryats: Topical Issues Revisited. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 278 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Nayan-Nava and the ethnogenesis problem of the Buryat tribal community of Khorı. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 5. Pp. 393–423. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423
- Zoriktuev B. R. On the little-known aspects of the ethnic history of the Khorı. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2018. No. 4(34). Pp. 127–132. (In Russ.)